

АНАСТАСИЯ АБРАМОВА

ПЫШЕЧКА. БАНДИТ В МОЕМ ДОМЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Абрамова

Пышечка. Бандит в моем доме

«Автор»

2026

Абрамова А.

Пышечка. Бандит в моем доме / А. Абрамова — «Автор», 2026

Я пустила раненого незнакомца в дом на одну ночь. Переждать ливень, перевязать бок, дать ему сухую одежду и выставить за калитку до рассвета. Только к ночи я узнаю, что мой гость — Мурат Асланов, человек, чьё имя в городе стараются произносить тише. Он сбежал от своей прежней жизни и решил спрятаться там, где его никто не станет искать: в доме одинокой кондитерши за городом. Он опасный, наглый и смотрит на меня. А я пять лет жила с мужчиной, который приучил меня стесняться собственного тела. Теперь в моём доме прячется бандит, который смотрит на мои пышные бёдра так, будто голодал куда дольше одной ночи. За воротами его ищут. Внутри дома мы оба теряем голову. И хуже всего то, что утром он собирается уйти.

© Абрамова А., 2026

© Автор, 2026

Анастасия Абрамова

Пышечка. Бандит в моем доме

ПЫШЕЧКА.

БАНДИТ В МОЕМ ДОМЕ

Анастасия Абрамова

18+

АННОТАЦИЯ

Я пустила раненого незнакомца в дом на одну ночь. Переждать ливень, перевязать бок, дать ему сухую одежду и выставить за калитку до рассвета. Только к ночи я узнаю, что мой гость — Мурат Асланов, человек, чьё имя в городе стараются произносить тише. Он сбежал от своей прежней жизни и решил спрятаться там, где его никто не станет искать: в доме одинокой кондитерши за городом.

Он опасный, наглый и смотрит на меня. А я пять лет жила с мужчиной, который приучил меня стесняться собственного тела. Теперь в моём доме прячется бандит, который смотрит на мои пышные бёдра так, будто голодал куда дольше одной ночи. За воротами его ищут. Внутри дома мы оба теряем голову. И хуже всего то, что утром он собирается уйти.

ГЛАВА 1

В тот вечер я собиралась есть чизкейк ложкой из формы и ненавидеть мужчин. План был хороший, особенно вторая его часть. За окном лил тяжёлый сентябрьский дождь, фонарь у калитки расплылся жёлтым пятном, ветки старой яблони били по стеклу, а в кухне пахло ванилью, карамелью и бисквитом, который я выпекала для утреннего заказа. Кирилл прислал голосовое сообщение о своих оставшихся коробках. Я прослушала первые пять секунд, удалила его и отрезала кусок чизкейка размером с его самомнение. Получилось много. Я уселась за стол в длинной футболке с нарисованным круассаном, поджала босые ноги и успела съесть две ложки, когда во дворе что-то тяжело ударило в металлические ворота.

Ложка застыла у губ. Бусина, моя рыжая кошка, подняла голову с кресла и распушила хвост, будто за калиткой стояла не беда, а конкурентка. Второй удар был тише, следом послышались шаги по мокрой дорожке, и меня неприятно кольнуло под рёбрами. Телефон лежал на столешнице. Я взяла его, включила свет над крыльцом и осторожно отодвинула край занавески. На ступенях держался за перила мужчина: высокий, тёмноволосый, в промокшей чёрной куртке, одной рукой он прижимал бок. Даже сквозь дождь я увидела кровь на пальцах и тёмное пятно на рубашке. Он поднял голову к окну, словно почувствовал мой взгляд, и я отступила, едва не наступив на Бусину.

Через несколько секунд раздался стук в дверь. Я не открыла, только включила камеру на телефоне и подошла ближе, стараясь дышать тише. Мужчина за дверью опёрся лбом о косяк, несколько раз шумно вдохнул, а когда заговорил, голос оказался низким, хриплым от холода и усталости. Он попросил аптечку и десять минут в тепле, добавив, что телефон я могу держать в руке и вызвать полицию, если мне так спокойнее. От такой вежливости стало ещё тревожнее. Нормальный человек не появляется ночью в крови и не объясняет незнакомой женщине, где ей держать телефон.

Я приоткрыла внутреннюю дверь, оставив цепочку, и велела ему отойти на две ступеньки, а руки поднять так, чтобы я их видела. Он подчинился без спора. Мужчине было около тридцати пяти, может чуть больше, борода короткая, лицо смуглое, резкое, с разбитой губой. На правой ладони были содраны костяшки. Когда я спросила про оружие, он задержался с отве-

том лишь на секунду, но этого мне хватило, чтобы потянуть дверь на себя. Тогда незнакомец сказал, что пистолет лежит в кобуре под курткой и он готов отдать его мне. Я чуть не рассмеялась от нервов, потому что ситуация стала настолько ненормальной, что мозг отказывался выбирать подходящую реакцию.

Он заметил табличку «Кондитерская Полины. Заказы получать здесь» и назвал меня по имени. Я успела испугаться ещё сильнее, лишь затем поняла, откуда он его знает, и почувствовала себя душой. Мужчина качнулся, крепче вцепился в перила и побледнел. Бабушка всю жизнь твердила, что чужая беда под твоей дверью всё равно остаётся бедой, сколько замков ни поверни. Я выругалась себе под нос, сняла цепочку ипустила его, предупредив, что за любой резкий жест получит сковородкой. Он скользнул взглядом по моим босым ногам, мокро усмехнулся и ответил, что поверил уже по лицу.

В прихожей стало тесно, хотя до этого я считала её огромной. Мужчина снял куртку двумя пальцами, положил на плитку и повернулся боком, показывая кобуру. Я достала пистолет так осторожно, будто брала в руки ядовитую змею, и положила его на верхнюю полку шкафа. Он подсказал, где предохранитель, за что я пригрозила ударить оружием его же по лбу. На этот раз он засмеялся, коротко и сипло, и у меня по спине прошла дрожь, которой я не собиралась придавать значение.

Через несколько минут незнакомец сидел на кухонном стуле без рубашки. Рана оказалась рваной, но неглубокой, кровь уже замедлилась. Я принесла аптечку, воду и чистое полотенце, а сама совершила ошибку: посмотрела ниже пореза. У него было тяжёлое, крепкое тело без журнальной вылизанности, старый шрам на плече, тёмные волосы на груди, татуировки на предплечьях. Я пять лет прожила с Кириллом и давно привыкла к мужскому телу, но сейчас пальцы вдруг стали неловкими, а лицо обдало жаром. Незнакомец всё заметил. Ничего не сказал, только уголок рта едва шевельнулся, и я из мести вылила антисептика больше, чем требовалось.

Он выругался на незнакомом мне языке и поймал меня за запястье. Хватка оказалась сильной, но боли не было; пальцы лишь удержали руку. Я подняла голову и встретила с тёмными глазами. Мужчина представился: Мурат Асланов. Имя зацепилось за память, и несколько секунд я перебирала старые новости, городские сплетни, ролики из ресторанов, разговоры Кирилла с друзьями. Когда вспомнила, флакон антисептика выскользнул из пальцев и глухо ударился о пол. Мурат отпустил меня, провёл ладонью по бороде и тихо сказал, что по лицу видит: я поняла, кого пустила в дом.

Я смотрела на него и не могла решить, что страшнее: городские слухи про Асланова или тот факт, что он сидит полуголый на моей кухне и доедает взглядом то, что Кирилл годами заставлял меня прятать под широкими кофтами. Я подобрала флакон, заклеила рану и сказала, что ему пора уходить. Мурат не спорил. Он лишь попросил час, потому что на дороге его ждут люди, к которым он возвращается не собирается. На слове «люди» в доме словно стало холоднее. Я должна была открыть дверь. Вместо этого поставила чайник.

ГЛАВА 2

Мурат съел половину моего чизкейка. Это почему-то возмутило меня сильнее пистолета. Он сидел за столом в моей старой мужской футболке, которую я когда-то купила для сна, держал вилку здоровой рукой и ел медленно, будто пришёл в кафе, а не спрятался от неизвестных в чужом доме. Я ходила между мойкой и столом, то убирая уже чистую кружку, то снова ставя её на место. В конце концов заявила, что до утра он может остаться в гостиной, но спальня, кладовая с заказами и мой рабочий холодильник закрыты для его любопытства. Мурат выслушал правила и поинтересовался лишь одним: можно ли трогать кошку. Бусина в этот момент сидела на холодильнике и смотрела на него так, будто ответ давно был отрицательным.

Ночью я почти не спала. Вода в ванной шумела минут десять, дальше послышались шаги по коридору и скрип старого дивана. Я лежала под одеялом с телефоном в руке и читала всё, что находилось по имени Мурата. В новостях его называли предпринимателем, совладельцем автосервисов и человеком, связанным с несколькими шумными историями. В комментариях люди писали куда смелее: бандит, решала, благотворитель, сумасшедший, «хороший мужик». Ни одной уверенной правды, зато десятки чужих фантазий. Я выключила экран и решила, что утром выставлю его за дверь, даже если придётся позвать соседа дядю Славу с лопатой.

Ближе к трём меня разбудил короткий стук. Мурат не вошёл в спальню, остался за дверью и сказал, что на дороге стоит машина. Я натянула халат, подошла к окну и увидела тёмные фары за соседним пустым участком. В груди неприятно затряслось. Мурат попросил выключить свет, прикрыл шторы в гостиной и кухне, проверил заднюю дверь. Он двигался спокойно, без геройской суеты, и от этого становилось ещё яснее: такие ночи ему знакомы. Когда он собрался выйти во двор, я схватила его за футболку и шёпотом потребовала не устраивать у моего дома стрельбу.

Он опустил глаза на мои пальцы, сжавшие ткань у него на животе, и тихо спросил, за кого я боюсь. Я велела не бесить меня, потому что нормальные люди боятся и за себя, и за идиотов, которые влезают в чужие дворы с оружием. Мурат накрыл мою руку ладонью, не убирая её, и сказал, что выйдет только если те люди полезут через калитку. Машина постояла несколько минут и уехала. Я отпустила его футболку, а он вдруг посмотрел на мои голые ноги под халатом так медленно, что страх смешался с совсем другим жаром. Я отправила его на диван и уже повернулась к спальне, когда услышала за спиной тихое «спокойной ночи, пышечка».

Я замерла. Слово ударило туда, где у меня годами болело от чужих замечаний. Кирилл произносил похожие вещи с усмешкой, словно моё тело было нашей общей неловкостью. Мурат сказал иначе, без издёвки, и всё равно меня вспыхнуло от злости. Я вернулась на два шага и потребовала больше так меня не называть. Он перестал улыбаться, кивнул и ответил, что понял. Ни спора, ни «да ладно тебе», ни обиды. От этого я растерялась сильнее, чем от самого слова, и ушла в спальню, чувствуя себя человеком, который собирался хлопнуть дверь, а дверь внезапно исчезла.

Утром бандит жарил мне яйца. Я остановилась на пороге кухни, сонная, взъерошенная, в носках разного цвета, и несколько секунд смотрела на его спину. Мурат стоял у плиты босиком, рукава футболки обтянули плечи, рядом на табурете сидела Бусина. Он нарезал сыр и разговаривал с ней вполголоса, уверяя, что она шантажистка, потому что уже выпросила кусок ветчины. Кошка мурлыкала. Предательство пахло жареным маслом.

Серебристая машина Кирилла въехала во двор, когда я собирала коробку капкейков. Я выругалась, сняла фартук и велела Мурату остаться на кухне. Кирилл поднялся на крыльцо с тем выражением лица, которое за пять лет научило меня втягивать живот раньше, чем он открывал рот. Он спросил про свои коробки, скользнул взглядом по моему свитеру и заметил, что я, кажется, опять поправилась. Раньше такая фраза испортила бы мне день. Сейчас я увидела за его плечом Мурата, который, конечно же, не остался на кухне, и вместо привычного стыда почувствовала смех.

Мурат вышел в коридор, прислонился к стене и скрестил руки на груди. Ничего угрожающего он не сделал, но Кирилл узнал его почти мгновенно. Лицо бывшего изменилось, спина стала деревянной. Он спросил, кто это, а Мурат лениво ответил, что мужчина и обычно таких людей называют именно так. Я прикусила щёку, чтобы не рассмеяться. Кирилл отказался даже от коробок, спустился с крыльца и уехал, зацепив колесом край клумбы. Только когда машина скрылась, я развернулась к своему гостю и сказала, что стаканы у меня не хранятся в прихожей, так что легенда про воду будет плохой.

Он перестал шутить и спросил, часто ли Кирилл говорил про мой вес. Я попыталась отмахнуться, но Мурат уже видел ответ. На кухне я сама не поняла, зачем рассказала ему про

одежду на размер меньше, про шутки у холодильника, про десерты, которые бывший отодвигал от меня в ресторане. Самое мерзкое вырвалось последним: в постели Кирилл просил меня не садиться сверху, потому что ему не нравилось видеть мой живот. Мурат долго молчал, губы у него сжались в тонкую линию. Дальше спросил адрес Кирилла таким будничным тоном, что мне пришлось ткнуть его пальцем в грудь и потребовать даже не думать.

Он поднял обе руки, показывая, что сдаётся, но взгляд оставался злым. Я сказала, что чужая дурость не даёт ему права лезть в мою жизнь. Мурат согласился, сделал шаг к двери, а у порога остановился и посмотрел на меня через плечо. Он произнёс негромко, без смешка: если женщина с таким телом оказывается сверху, мужчина под ней должен благодарить Бога и помалкивать. После этого ушёл в гостиную. Я стояла с венчиком в руке, красная до ушей, и впервые за несколько лет не втянула живот.

ГЛАВА 3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.